Глава 11. Беженцы (1)

После того, как юноша отъехал от поляны, Старый Шен с досадой пробормотал:

— Эта нюй-ши Ван была очень груба, ведь Вы явно руководствовались лишь благими намерениями.

Сказав это, он обернулся, чтобы взглянуть на молодого господина. Тот смотрел на него чистыми ясными глазами и совсем не выглядел огорченным.

После обеда колонна снова тронулась в путь.

Вечером Дом Ван ужинал так же роскошно, как и днем. Глядя со стороны, трудно было сказать, что они бегут от войны, скорее отправились в небольшую прогулку по окрестностям.

Однако первое возбуждение новизной юных нюй-ши и молодых господ клана Ван с каждым днем постепенно рассеивалось. Чэнь Жун все чаще слышал их ворчание и недовольство.

Также он узнал, что Ван Цилан не присоединился к ним во время трапезы, потому что он отлучился поприветствовать другого ученого, покинув этот обоз со своим сопровождением.

Летний зной закончился. Их долгий путь выпал на раннюю осень. По мере того как колонна двигалась вперед, дорожная пыль, поднявшаяся столбом из-под ног лошадей и колес, садилась на повозки и людей, скрипела на зубах, набивалась в одежду и волосы.

Из-за этого члены семьи Ван, которые всегда обращали внимание на свой благопристойный вид, присущий только людям высшего класса, купались по нескольку раз в день. По этой причине колонна проходила только по двадцать-тридцать миль в день. Чэнь Жун предполагал, что они будут двигаться не быстро, однако это было весьма медленно. К тому же каждое омовение должно было быть соответственно обставлено, ведь девицы и дамы не могли заниматься подобным открыто.

Вначале устанавливалась купальная бочка на помосте, затем слуги все вокруг огораживали ширмами натягивали шатер, застилали ковры и коврики, потом служанки готовили притирания и ароматы и грели воду, и только затем начиналась сама процедура, причем воду несколько раз меняли и грели.

Естественно, что ванну принимали в нижнем белье: «походный вариант» его затем переодевали на свежее, а мокрое сушили. Потом пили чай со сладостями. Быстро со всем этим было не управиться. Все это продолжалось не один час, радуя молодых господ возможностями для шуток и комплиментов. Мужчинам было проще – они могли воспользоваться естественными источниками. Слуги… ну это уже была проблема слуг. Хуже было служанкам, которым предписывалось следить за собой, но с возможностью такого были проблемы.

Обтирания не слишком помогали. А купание в открытых водоемах обычно заканчивалось снятием напряжения у молодых господ, даже любопытно, сколько бастардов принесет Дому Ван этот поход?

Чэнь Жун пользовался эфирным очищением, и тренировка, и никаких хлопот. Даже колебаний эфирного поля почти никаких, взметнулись одежды и волосы - и все чисто; и сам, и вокруг в пределах радиуса нескольких метров. Это быстро просек Шен и нянюшка, но оба помалкивали. Один сидел впереди и управлял повозкой, другая спустя некоторое время пристроилась молча с ним рядом. Ее статус такое вполне позволял. А затем и некоторые из других слуг в определенное время старались оказаться рядом с повозкой – так, мимо проходили. И решили колесо поверить. Или натяжение плотного шелка на обтяжке корпуса. Впрочем, вопросов не было, глава и старейшины Дома Ван пользовались очищающими артефактами аналогичного действия и там прислуга тоже вела себя аналогично. Так что, прислуга Дома Ван очевидно решила, что и у него такой же… Хотя бочка для омовений у него была, и периодически он ей пользовался – все же не стоит вызывать подозрений, а зарядка артефакта для обычных людей удовольствие дорогое.

С другой стороны, во время этих вынужденных стоянок он медитировал и развлекался созданием несложных пилюль, доводя их чистоту до совершенства, и нарабатывая навык управления эфирными потоками. Пока он мог оперировать только одним потоком эфира, направляя его в котел, тогда как, судя по сейчас прикрытым отверстиям, можно было использовать четыре основных и четыре на четыре вспомогательных, как в розе ветров. А может и больше, он не знал всех возможностей этого артефакта.

Подвижные кольца в крышке позволяли их перемещать в разные комбинации относительно кристаллов стихий в верхней части. Незадействованные отверстия были закрыты завинчивающимися пробками с зодиакальными фигурками, вырезанными из разного нефрита. Это проясняло руководства к некоторым древним рецептам и руководствам, скорее всего, подобное расположение было каноническим. Но подобным драгоценным артефактом ему приходилось пользоваться впервые. В его время были распространены упрощенные поделки низкого ранга, именуемые «скороварками». А такие если и были, то в кланах.

Но главное, что у него появилось подозрение, что в этом котле вполне можно создавать духовные камни. Они конечно еще не стали официальной международной денежной единицей, однако, этот момент не за горами. Вот как раз после этой войны и станут. Среди свитков он нашел тот, что описывал процесс. Артефакторикой он занимался, но создание магического камня — это не насыщение энергией готового кристалла или изделия. Это чистая эфирная субстанция, концентрированная до состояния кристалла. Поэтому они всегда одного размера – с ноготь мизинца, причем гранить их не надо, кристаллы имеют свои изначальные грани. Различается только «чистота» точнее степень концентрации – они может быть 50% -розовое свечение, 75%- желтое свечение, выше 90%-голубое свечение и 100% – радужное. Если он это освоит, то будет ходячим банком. Ну и насыщение нефрита, кварца и прочих камней для артефактов. Первым делом он зарядил все амулеты, найденные у отца, брата и в женских комнатах.

Маги-альфы, по слухам, могли создать камень в ладонях. Но на источнике. А потому никогда не испытывали денежных затруднений. Все зависело от их собственной силы.

Кто-то мог создать такой камень раз в день, кто-то раз в год. Ну и с разной чистотой, естественно. Омеги могли это делать куда чаще, но используя котел. Вот такой. Возможно потому подобные артефакты и были изъяты. Как и омеги.

Маги тоже могли пользоваться котлом, но исключительно вблизи источника. Поскольку в других местах имели доступ к внешнему эфиру вне источника только через омегу. А собственный резерв у всех был разным, на камень могло и не хватить. Самым большим он был у тех, кто развил свое ядро до золотого, причем божественного уровня.

Сомнительно, чтобы в этом времени уже такие были. На подобное требовались столетия. В котле застучало, Жун взмахнул рукавами и вытряхнул из выдвижного приемника, в нижней части котла, три пилюли, прижмурился от удовольствия, напоминая котенка. Нежный травяной аромат и зеленый цвет говорили о том, что уровень очистки и концентрации полезных веществ постепенно повышается.

Зеленый - это процентов 80. Хороший прогресс, однако.

Полюбовавшись, убрал во флакон. Один был уже наполнен желтенькими горошинками. Он делал лечебные универсальные пилюли, как наиболее востребованные. Для них шел обычный подорожник и еще некоторые травки, их запас был закуплен в Пинге, но он заканчивался. К счастью его закупка не могла вызвать подозрений, трава использовалась в отварах, чаях и как присыпка повсеместно. Были и некоторые другие тоже из тех, что обычно используют простолюдины.

С их помощью он сделал бодрящие пилюли – снимающие усталость, для себя пилюли концентрации и первым делом перегнал весь крепкий алкоголь в спиртовые таблетки, опасаясь, что слуги или охрана могут до него добраться. Встал, потянулся. Запасы трав подходили к концу. Пока вокруг есть растительность - надо бы озадачить прислугу ее сбором.

Он откинул занавеску и спрыгнул на траву. Быстрым взглядом окинул округу. Вокруг тянулась степь с редкими вкраплениями островков рощ. Причина стоянки была понятна – неподалеку был ручей, и конечно, женская часть каравана возжаждала водных процедур. Из уже установленного шатра доносился женский смех. Туда-сюда носились служанки. Мальчишки благородный кровей устроились за подглядыванием в ближайших кустах. Подростки постарше уже сами плескались в ручье. Слуги и возницы таскали воду коням. Суета, беготня.

Чэнь Жун присмотрелся, автоматически распознавая полезные растения в округе. Растер травинку в пальцах, наслаждаясь ее острым свежим запахом.

—Нянюшка, пока стоянка, организуй наших женщин на сбор травок. Подорожник, дикая мята… вон молодой лист с ивы, что найдут. Дорога не близкая, все понадобится.

—Да, молодой господин.- Он подал ей список, что собирать, ну и к этому, если еще что полезное попадется, тоже брать.

Он и сам прошелся к ручью, разминая ноги. К счастью, они все же довольно далеко уже ушли от города, но он все еще опасался отрядов кочевников.

Хотя А Жунь в сознании презрительно фыркала, напоминая, что у Дома Ван солидная охрана и их путешествие было спокойным. Это было правдой. Сорвал несколько веток дикого льна, тот использовался... кстати – да! Поспешил к своим и, показав растение, приказал набрать поболее, как и молодого тростника, осоки и всякой прибрежной травки. Служанки глянули с недоумением, уж не циновки ли их заставят плести? Но, не возражая, взяли ножи и отправились собирать.

— Нянюшка, и проследите, чтобы каждый привал собирали. Я решил развлечься алхимией. Нашел у батюшки в свитках рецепты. Зима впереди, запасемся.

Настойки и всякого рода сборы делали многие ученые. Да и в большинстве лечились в это время именно таким образом. Так что указание особенных вопросов не вызвало, хоть некоторые травки и казались странными. Не могли припомнить женщины, где такие используются. Но с другой стороны, им, ученым, такое виднее.

Молодой господин спустился к заводи. Тут при купании не было принято полностью раздеваться, если это не источники - горячие, магические, и прочие. В них в одежде никто не входил. А вот на открытой воде никто полностью не раздевался. В смысле - только до нижней одежды, до исподнего. По крайней мере, штаны никогда не снимались.

Сняв верхнюю одежду, он нерешительно попробовал пальцами ног воду. Летняя жара еще не ушла, хотя речная вода уже была довольно прохладной. Но погрузиться в нее было чрезвычайно приятно

Из прибрежных зарослей хихикая, молодые служанки глазели на своего молодого господина, срезая травки. Все же тот был дивно хорош собой. Несколько проезжающих мимо всадников дома Ван тоже засмотрелись. На купающихся женщин было смотреть не прилично, но вот на юношей – совсем не зазорно. А оценить было что. Пусть юный господин дома Чэнь не был мускулист, но его фигура была пропорциональна, кожа светла и чиста, мышцы приятным глазу рельефом играли под гладкой, даже на вид шелковистой, кожей.

Поистине - сокровище Дома Чэнь! Выкупавшись, юноша выпил чай и скрылся в своей повозке, медитируя.

-oOo-

На седьмой день их пути за ними увязалась толпа беженцев. Они встречались и раньше, но это были отдельные группы или семьи. Эти простолюдины, спасаясь от ужасов войны, также бежали на юг. Они уже успели съесть свои нехитрые запасы и теперь начали следовать за караваном Дома Ван, потому что после каждой их трапезы, на земле оставалось множество объедков.

Глядя на вереницу людей, идущих вслед за ними, члены семьи Ван стали испытывать раздражение. Эти отвратительные беженцы были покрыты многодневной грязью и дурно пахли. Они шли за колонной, и ветер подхватывал их смрад, разнося его на многие километры. Это было невыносимо. Тем не менее, они не смели сделать что-либо, что нанесло бы ущерб их доброму имени дома Ван, например, прогнать беженцев. Все, что они могли сделать, это все же сократить время и количество своих остановок для купаний и увеличить скорость движения.

Все переживания и проблемы Дома Ван никаким боком не касались Чэнь Жуна. В этом путешествии он был единственным господином Дома Чэнь. И хозяином самому себе, ведя себя отстраненно от прочих господ.

Режим питания его людей был четко организован. Не зря с ними отправился повар семьи Чэнь со своими поварятами. Он определенно не первый раз следовал с обозом об этом говорила его приспособленная для таких вещей рабочая повозка с полным комплектом всей поварской утвари. И меню на дорогу с ним Чэнь Жун загодя обговорил исходя из своих продуктовых запасов.

Сам он съедал одно простое блюдо в день. Оно было ненамного лучше, чем то, чем питались его люди. Вместо чая заставлял их пить и пил сам отвар плодов дикой розы и сборов трав, которые удалось набрать во время одной из стоянок. Это слуги оценили быстро и уже сами собирали этот комплект травок без напоминания, благо, что обоз двигался медленно. После ужина, он не ложился спать в роскошной большой палатке, как это делали в семье Ван, а оставался в своей повозке, как и его люди. Он и не брал с собой ни палаток, ни шатров… Но в повозках были переносные жаровни, так что пищу или чай в малых объемах можно было сделать и во время движения и он забрал достаточно перин и тюфяков, чтобы спать комфортно. Все одно они бы пропали. А так их свернутыми везли под потолком повозок или у стен, притянув веревками и ремнями. Конечно господские дорогие перины няня особо сохранила, но и прочих хватало.

С недавних пор он некоторое время ехал, сидя в повозке, пока утренняя прохлада дозволяла это делать с комфортом, читал книги или свитки; после чего переходил на верховую езду или же просто шел пешком. Ближе к вечеру, когда караван останавливался, садился за медитацию или изготовление пилюль.

Чэнь Жун владел боевыми искусствами и имел крепкое стройное гибкое тело, поэтому он легко мог идти пешком многие километры, не останавливаясь, чтобы передохнуть. И периодически удаляясь от стоянок, упражнялся, танцуя свои танцы, бросая ножи, сделанные для него сюрикены, либо сбивая цели кнутом, в который на досуге кузнецом была вплетена металлическая нить с утолщениями, что сделало из обычного кнута – боевой… тот уже заметил увлечения господина и потихоньку постукивал в своей повозке, увеличивая число и разнообразие «летающих цветов» и даже задумав сделать их сочетание с чакрами, метательными кольцами южных народов, и в благодарность за то, что его семья была без разговоров взята на довольствия, когда их собственные запасы провианта кончились. Чэнь Жун свой отряд внимательно досленживал. Пусть изобилия пищи не было, но все были сыты. И, как ни странно, не страдали животами, что случалось с прислугой Дома Ван, порой подъедающей за господами не свежие деликатесы.

-oOo-

— Привал! — перекрикивая стук копыт, вдоль колонны двигался всадник.

Чэнь Жун посмотрел на ярко-красное солнце на западе и спешился.

Работа закипела. Люди разбивали лагерь, расставляя походные палатки, и доставали еду, чтобы приготовить и накрыть ужин.

Видя, что Сяо-Жун уже прибыл, няня Пинь принесла ему еду в повозку, осторожно расставляя мисочки на раскладном походном столе.

— Господин, все так, как Вы и говорили, — понизив голос, сказала женщина и бросила взгляд на лагерь в трехстах шагах от них.

Солнце садилось на западе, заливая золотым светом все еще зеленые по-летнему тополя. Тоже, кстати, молодой лист собрать надо. Он помнил рецепт на их основе, повышающий выносливость. На поляне под тенью деревьев были раскиданы пуховые дамасские подушки. На них за столом восседали члены клана Ван, одетые в богатые яркие одежды. Все они были красивы и в свете яркого солнца и вовсе казались небожителями.

Однако сейчас на лицах этих утонченных дам и господ застыло хмурое выражение, этакая смесь отвращения и разочарования. Они смотрели на изысканные блюда, стоящие на столе, но никто не мог заставить себя взять палочки для еды.

За спинами пирующих в 300-400 шагах стояла толпа беженцев. Мужчины выдвинули вперед своих жен и детей. Люди, одетые в тряпки и лохмотья, остекленевшими взглядами уставились на лагерь. Некоторые дети в трансе смотрели на еду и вино на столах. Из их грязных ртов текла тягучая слюна.

Под напором голодных взглядов члены семьи Ван чувствовали себя неудобно, словно их препарировали, как лягушек. Мужчина средних лет наклонился к Ван Чжоу и прошептал:

— Мой господин, что нам делать?

Ван Чжоу покачал головой, положил кусочек мяса собаки в рот и прошептал:

— Не обращайте на них внимания.

— Да.

Ван Чжоу умел великолепно держать себя в руках, чего нельзя было сказать о младшем поколении. Девушка пятнадцати или шестнадцати лет взяла палочки и трясущимися руками попыталась прихватить из миски рис.

— Отец, почему Вы не избавитесь от этих бродяг? — с отвращением воскликнула она.

— Мы можем легко избавиться от них, но, если по прибытии на юг аристократия узнает, что мы плохо обращались с простолюдинами, это неизбежно вызовет пересуды, которые плохо повлияют на репутацию нашей семьи, — ответил ей сидящий рядом молодой мужчина.

— Разве это не странно?! — влез в разговор еще один парень. — Эти крестьяне обычно уважают нас, словно мы их боги, поклоняются и чуть ли не целуют пальцы ног. Почему они так дерзко ведут себя сейчас?

Эта мысль, словно птица в клетке, билась в умах молодых людей уже много дней. Дети аристократии, им, всю жизнь жившим в роскоши, не довелось узнать, что означает слово «голод».

Пока все были заняты обдумыванием этого вопроса, одна девушка крикнула:

—Эй, а ведь молодой мастер Жун из Дома Чэнь недавно говорил об этом! Кто-нибудь пригласите его сюда. Давайте узнаем, что происходит.

Вслед за ней, раздался другой, слегка резкий, но такой же встревоженный голос:

— Зачем? Я уверена, что этот Чэнь Жун все придумал.

У этой молодой барышни был заостренный подбородок и вытянутое лицо с тонкими чертами. Красивая, но сейчас очень бледная, она была именно той, кто посмеялся над мнительностью Чэнь Жуна в первый день их путешествия. И, собственно, все считали косвенно, именно она была причиной того, что этот красавчик теперь сторонится их общества. Но поскольку та была дочерью Ван Чжоу, все молчали. Только взглянув на нее, все сразу поняли, что она просто не хочет опозориться за свои слова. Посреди раздавшегося смеха полненькая девушка с круглым лицом спросила:

— Седьмая сестра, ты боишься, что Чэнь Жун теперь посмеется над тобой?

Симпатичная девушка с заостренным подбородком собиралась опровергнуть ее вопрос, но так и не смогла что-нибудь сказать в ответ.

Тем не менее, хотя компания и посмеялась над ней, больше никто не упомянул о Чэнь Жуне.

-oOo-

В это время Чэнь Жун сидел в своей повозке и как раз закончил ужинать. Положив палочки на тарелку, он передал ее няне Пинь и приказал:

— Скажи всем, чтобы на ночь оставались в своих повозках в течение следующих нескольких дней. И никуда не уходите, если в этом нет необходимости.

Женщина с недоумением посмотрела на Чэнь Жуна, но все же ответила:

—Да, молодой господин.

Господин изменился еще больше с тех пор, как переболел и ему начали сниться кошмары. Несмотря на это, женщина продолжала в него верить и подчиняться его приказам.

Няня Пинь забрала всю грязную посуду и покинула повозку. Уже на выходе она услышала бормотание господина:

— Я тоже когда-то восхищался ими, но они оказались обычными куклами, вырезанными из дерева и слепленными из раскрашенной глины.

В голосе юноши можно было почувствовать нескрываемое разочарование.

Действительно в поведении, что нынешних аристократов, что тех, кого он помнил по будущему, ничего не изменилось… они продолжали наступать все на те же грабли.

-oOo-

Наступила ночь.

Сегодня в небе сияла яркая луна, своим серебристым светом окутывая землю. В такую дивную ночь даже смертельно измученная дорогой молодежь Дома Ван не спала, наслаждаясь поэтической атмосферой.

Чэнь Жун медленно приблизился к толпе, которая сидя на мягких подушках, в своих стихах восхваляла ветер и восхищалась луной, соревнуясь в красноречии и изысканности слога.

Под лунным светом было что-то неописуемо-красивое в его гибкой и тонкой фигуре и чистых, мерцающих словно водная гладь, глазах. Бессознательно некоторые развернулись, чтобы посмотреть на юношу.

Взяв на себя инициативу, Ван Улан приглашающим тоном сказал:

— Сяо Жун, этой ночью небо особенно красиво. Луна освещает все на многие километры, поэтому мы изо всех сил стараемся сочинять в ее честь стихи. Может быть, Вы присоединитесь к нам?

Услышав предложение Ван Улана, одна из девушек начала смеяться.

— Пятый брат, ты просишь Чэнь Жуна слагать стихи? С таким же успехом ты мог бы попросить стать его твоим младшим мужем.

Оказывается, культ младших супругов только начал свое шествие, и пока вызывал только насмешки. Эти золотые мальчики не думали о том, что скоро многие из них, будучи младшими сыновьями, станут именно такими. Ну, или будут своих собственных бастардов отправлять в другие семьи ради заключения выгодных союзов.

Недавно император подписал указ, в котором потребовал, чтобы все неодаренные сыновья аристократических семей, в обязательном порядке сдавали императорский экзамен до достижения ими 30 лет и только после его сдачи разрешался брак, и дети, только рожденные после получения документа о сдаче, приобретали статус законнорожденных. За нарушение закона – внесение детей в семейные реестры и браки таких ослушавшихся - были озвучены кары : вплоть до лишения собственности и снятия статуса и титулов до простолюдинов.

Закон был направлен на уменьшение благородных нахлебников. Ну и попутно учет и некоторое ограничение силы и численности аристократических родов-кланов. К тому же подобное позволяло учитывать подданных на случай военного призыва, обеспечивать дальние провинции имперскими чиновниками. Поскольку после сдачи экзамена получившие ранг ниже 7 отправлялись, как его отец, на службу в провинции. Это было всегда. А сдать на более высокий результат без связей в комиссии было не реально.

К тому же по закону каждая семья благородного происхождения была обязана предоставить юношу на обучение в императорскую гвардию, что часто игнорировалось аристократами. Кланы включали в себя много семей, но хорошо, если пара юношей прибывала на службу. Обычно они отделывались, посылая бастардов, которых ради такого даже вписывали в семейный реестр. Но беда была в том, что эти бастарды не были обучены в большинстве своем. Ведь по требованиям, благородный юноша должен был в совершенстве владеть мечом, луком, верховой ездой и управлением колесниц. Не говоря о грамоте. Кто бы такому обучал простолюдинов, учитывая, что учить этому мальчиков, как его, начинали лет с пяти...

Теперь же у благородного юноши, не сдавшего имперские экзамены, оставался выбор: или гвардия, или замужество. Это отчасти было причиной, по которой отец срочно повез брата в столицу, ведь он сам был из побочной ветви и, как предполагал Женя, хотел отделиться от основного рода, основав свой. Аристократы, чей номер в роду был дальше пятого, сдавшие экзамен, брали по новому закону супругами только мужчин, чем пресекалась их линия, нет, они могли брать вторую жену или наложниц, но вот, чтобы узаконить каждого из детей,

требовался немалый взнос в казну, как клана, так и императора. Что касается трижды не сдавших – они шли по закону только младшими в брак, или в гвардию, где за особые заслуги могли быть признаны основателями своей линии…

Была и еще одна причина подобного указа – выявление одаренных. Если таковых в роду было более пяти, они имели право основать клан. Если менее, то присоединялись к императорскому клану. Уже зная о важности подобной силы, император хотел наложить на подобное свою руку. Насколько помнил Женя, Дом Ван ЛанЯ получит статус клана. Точнее, маги из его членов создадут магический клан, ставший основой ордена ЛанЯ, одного из самых сильных после императорского, и имеющий самую известную школу для одаренных. Про род Чэнь он ничего не знал, и это наводило на грустные мысли. В эти смутные времена попасть в опалу, и расплатиться за чью-то ошибку жизнями всего рода, было очень даже реально.

Всем тут присутствующим молодым людям еще предстоял экзамен. И многие его не пройдут. Поскольку тот и рассчитан на подобное. Причем каждая попытка стоит не дешево. Не каждому оплатят вторую, если он не наследник или второй сын, или просто любимчик. Но пока каждый из них мнил, что - он-то непременно станет старшим. Почему среди этих недорослей столь мало было сдавших на этот день? Раньше экзамен не считался обязательным, а скорее престижным. И никто не спешил его сдавать… Редкие семьи, подобное ввели в традицию, но и то, обычно сдавали уже около, или даже после 30 годков, перед женитьбой или даже после нее, чтобы повысить статус или получить приоритет в наследовании.

Пока же слова девушки вызвали всеобщее веселье.

Глядя на красивое лицо Чэнь Жуна, один из парней не мог не отметить:

— Сяо Жун действительно очень красив. Взять такого в семью супругом никто не откажется. Наверняка, Ваша поэзия так же прекрасна, как и Вы сами. — Этот был куда более прозорлив, чем многие.

Та же девушка снова засмеялась.

— Все в городе Пинг знают, что Сяо Жун из Дома Чэнь стихам и виршам предпочитает хлысты и лошадей. Ему не нравится поэзия, – в голосе девицы слышалась едва прикрытая ревнивая насмешка. Девиц можно было понять, в красоте многие из них уступали Жуну. И сейчас им как бы ненавязчиво на это намекнули.

Владение боевым хлыстом и верховые лошади были традиционными увлечениями северных кочевников – разбойников и скотоводов. Люди из центральных равнин испокон презирали кочевое племя, считая их дикими варварами. Хотя сейчас именно от них бежали в страхе. Именно среди северян было много темных магов и даже демонов в человеческой шкуре. И они были прекрасными воинами.

Но сейчас своими словами девушка выражала презрение к его вкусам. Намекая на собственную более благородную кровь и изысканность манер.

Чэнь Жун повернулся, чтобы посмотреть в сторону смеявшейся. Он мгновенно опознал в ней ту, которая посмеялась над его опасениями несколько дней назад.

Девушка слегка кокетливо улыбнулась. Он приподнял бровь. Вот ведь… Резко повернувшись к толпе, он изысканно ответил:

— Прошу прощения, но боюсь, что все, что я могу сказать, только оскорбит луну.

Затем он ушел.

Его слова, удивительно краткие и утонченные, словно заморозили толпу. Прошло немало времени, прежде чем раздался первый восторженный голос. Чэнь даже не ощутил, что добавил в дополнение к высказыванию эфирный флер очарования. А потому для всех он удалился в волнах лунного света и шелесте листвы, словно небожитель, мистически растворившись в лунных бликах.

Юноша прислушался к их смеху и его губы насмешливо скривились. Он видел, как недобро горят глаза беженцев, видел, что они что-то замышляют. Он пришел сюда, чтобы напомнить всем остальным об осторожности, но передумал. Во всяком случае, в караване охранников было более чем достаточно. Даже если беженцы сплотятся, они не смогут повредить общую мощь каравана.

А он просто позволит другим преподать урок некоторым слишком высокомерным аристократам от его имени.

http://tl.rulate.ru/book/1285/36061